

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтinskой.

№ 42 (749)

30 июля 1938 г., суббота

Цена 30 коп.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНТИВОЕННЫЙ ДЕНЬ

Все передовое и прогрессивное человечество отметит 1 августа — международный антивоенный день. Это стало уже прекрасной традицией всех честных людей, всех, в ком живет благородная вера в человечество, всех, кто неизвестен войне, неизвестен фашизму. А фашизм и война — это равнозначащие понятия. Было время, когда некоторые зарубежные писатели не понимали, что несет с собой фашизм. Было время, когда они убаюкивали себя надеждами, что коричневая чума обойдет их хом. Время расстало эти иллюзии. Самолеты Гитлера и Муссолини разбомбили эти надежды.

Мы являемся свидетелями жесточайших войн, которые ведутся в разных концах континента. В то время как на исторической испанской земле роят хищные «хайнеки» и «мессершmittы», а немецкие и итальянские снаряды разрушат дома, театры, музеи, библиотеки, убивают и калечат сотни тысяч людей, на Востоке японские самураи огнем и мечом истребляют китайский народ. Это отвратительное лицо войны тем более страшно, что фашизм обязательно получает поддержку правительства. Гитлер ввел свою армию в рабскую зону, он силой присоединил Австрию к Германии, бровью залил эту страну. Вместе с «дуче» Муссолини он зажал пожары на Пиренейском полуострове. Фашисты подбираются к Чехословакии, они хотят стереть с карты мира еще одну страну.

Пытки, казни, авто-кафе — все это снова ожло. Фашизм воскрес самые страшные члены среиневской.

Но мир имеет своих испытанных и последовательных друзей. Это раньше и прежде всего стосемидесятилетний советский народ, непрестанно борющийся за мир во всем мире. Его мысли и чувства выражают великий вождь трудящихся товарищ Сталин, когда в письме на имя товарища Хосе Диаса заявляет: «...освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества». Советский народ, его непобедимая Красная Армия, вся его интелигенция своими делами, своим творчеством показали, что они желают мира. Черные силы фашизма неизвестны СССР, великий советский народ, неизвестны солдатам. Они готовят против него войны, они послывают шпионов и диверсантов из троцкистско-бухаринского отряда. Но чтобы пенныецы империализма не ссыпались с привязи, Советский Союз поставил у своих границ надежную охрану — могучую Рабоче-Крестьянскую Армию и Военно-Морской Флот, готовых покорить любого врага.

Друзья мира во всех странах все выше поднимают свой голос. Благородные, полные высокого человеческого достоинства слова Романа Ролланна, неустающего призывать к единству и борьбе против фашизма, смыкаются не только на родине великого писателя, но и во всех странах. Такие писатели, как Андре Мальро, Льдвиг Рени, Густав Регнер, сражаются на полях Испании, оружием борясь против войны. Прекрасный венгерский писатель Мати Залка уже отдал свою жизнь этой великой илее. Передовые учены, врачи, учителя, инженеры, изгнанные фашистами мракобесами из пределов своей страны, показывают образцы мужества и героизма, сражаясь в интернациональных бригадах.

Крупнейший американский писатель Хемингуэй, автор книги «Прощай оружие», стал борцом против фашизма, воий в число активных антифашистских писателей.

В печатаемый сегодня нашей газетой статье французского писателя Луи Арагона хорошо сказано, что поэты Франции открыли героя новой эпохи. Это — народ Франции.

Ряды честных людей, созидающих, что фашизм несет голод, войну и порабощение народов, множатся. Человечество понимает, что борьба с фашизмом будет не за жизнь, а за смерть. Фашизм — это страшная судьба умирающего класса, не желающего без боя уйти с исторической арены. Демагогия, провокации, шантаж и запугивание методы фашизма. Шантажу и запугиванием надо противопоставить обезличивание всех стран, жаждущих мира, и железную решимость не дать восторжествовать реакции. Совершенно правильно на втором конгрессе международной ассоциации писателей год тому назад говорил крупнейший советский писатель Алексей Толстой: «Солдатески, мыльницы мыльниц мужчины и женщины. Фашизм страшен тем, что его боятся. Фашизм страшен тем, что он уничтожил в себе залеживающие моральные ценности. Но когда против него поднимается зажженное жаждой свободы благородное человеческое сердце, фашизм разрывается свой фронт, отступает, бежит».

Перед лицом уже излишних войн и новых наступающих схваток все честные, все лучшие, все прогрессивное должно обединить свои силы. Не место колебаниям, когда врутся снаряды! В этом единстве всего передового и прогрессивного человечества, в его ягучем желании избежать кровавых ужасов войны, в его решимости схватить руку империализма, как только она будет поднята. Фашизм увидит для себя грозное престолсторожение.

Это единство продемонстрирует передовое и прогрессивное человечество в международный антивоенный день!

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О созыве второй сессии Верховного Совета СССР

В соответствии со статьей 46 Конституции СССР созвать вторую сессию Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик 10 августа 1938 года в гор. Москве.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН

Москва, Кремль. 26 июля 1938 г.

РОМЭН РОЛЛАН

ФАШИЗМ НИКОГДА НЕ ПОБЕДИТ

В связи с двухлетием гражданской войны в Испании великий французский писатель Ромэн Роллан обратился к испанскому народу со следующим воззрением:

«По случаю второй годовщины героической борьбы я шла республиканской Испании и «мессершmittы», а немецкие и итальянские снаряды разрушат дома, театры, музеи, библиотеки, убивают и калечат сотни тысяч людей, на Востоке японские самураи огнем и мечом истребляют китайский народ. Это отвратительное лицо войны тем более страшно, что фашизм обязательно получает поддержку правительства. Гитлер ввел свою армию в рабскую зону, он силой присоединил Австрию к Германии, бровью залил эту страну. Вместе с «дуче» Муссолини он зажал пожары на Пиренейском полуострове. Фашисты подбираются к Чехословакии, они хотят стереть с карты мира еще одну страну.

Пытки, казни, авто-кафе — все это снова ожло. Фашизм воскрес самые страшные члены среиневской.

Но мир имеет своих испытанных и последовательных друзей. Это раньше и прежде всего стосемидесятилетний советский народ, непрестанно борющийся за мир во всем мире. Его мысли и чувства выражают великий вождь трудящихся товарищ Сталин, когда в письме на имя товарища Хосе Диаса заявляет: «...освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества». Советский народ, его непобедимая Красная Армия, вся ее интелигенция своими делами, своим творчеством показали, что они желают мира. Черные силы фашизма неизвестны СССР, великий советский народ, неизвестны солдатам. Они готовят против него войны, они послывают шпионов и диверсантов из троцкистско-бухаринского отряда. Но чтобы пенныецы империализма не ссыпались с привязи, Советский Союз поставил у своих границ надежную охрану — могучую Рабоче-Крестьянскую Армию и Военно-Морской Флот, готовых покорить любого врага.

Друзья мира во всех странах все выше поднимают свой голос. Благородные, полные высокого человеческого достоинства слова Романа Ролланна, неустающего призывать к единству и борьбе против фашизма, смыкаются не только на родине великого писателя, но и во всех странах. Такие писатели, как Андре Мальро, Льдвиг Рени, Густав Регнер, сражаются на полях Испании, оружием борясь против войны. Прекрасный венгерский писатель Мати Залка уже отдал свою жизнь этой великой илее. Передовые учены, врачи, учителя, инженеры, изгнанные фашистами мракобесами из пределов своей страны, показывают образцы мужества и героизма, сражаясь в интернациональных бригадах.

Крупнейший американский писатель Хемингуэй, автор книги «Прощай оружие», стал борцом против фашизма, воий в число активных антифашистских писателей.

В печатаемый сегодня нашей газетой статье французского писателя Луи Арагона хорошо сказано, что поэты Франции открыли героя новой эпохи. Это — народ Франции.

Ряды честных людей, созидающих, что фашизм несет голод, войну и порабощение народов, множатся. Человечество понимает, что борьба с фашизмом будет не за жизнь, а за смерть. Фашизм — это страшная судьба умирающего класса, не желающего без боя уйти с исторической арены. Демагогия, провокации, шантаж и запугивание методы фашизма. Шантажу и запугиванием надо противопоставить обезличивание всех стран, жаждущих мира, и железную решимость не дать восторжествовать реакции. Совершенно правильно на втором конгрессе международной ассоциации писателей год тому назад говорил крупнейший советский писатель Алексей Толстой: «Солдатески, мыльницы мыльниц мужчины и женщины. Фашизм страшен тем, что его боятся. Фашизм страшен тем, что он уничтожил в себе залеживающие моральные ценности. Но когда против него поднимается зажженное жаждой свободы благородное человеческое сердце, фашизм разрывается свой фронт, отступает, бежит».

Перед лицом уже излишних войн и новых наступающих схваток все честные, все лучшие, все прогрессивное должно обединить свои силы. Не место колебаниям, когда врутся снаряды! В этом единстве всего передового и прогрессивного человечества, в его ягучем желании избежать кровавых ужасов войны, в его решимости схватить руку империализма, как только она будет поднята. Фашизм увидит для себя грозное престолсторожение.

Это единство продемонстрирует передовое и прогрессивное человечество в международный антивоенный день!

РАМОН СЕНДЕР

После двух лет войны

Испанская народная армия теперь стала армией регулярной. Она продолжает сдерживать бешеный нападок противника. Она наносит жестокие удары итальянским дивизиям и германским техническим корпусам. Борьба будет продолжаться до полной победы над фашизмом.

В захваченных фашистами городах перед Франко и его союзниками возникает ряд проблем, которые они пытаются решить террором. Но террор не есть решение задачи. Это — признание своей слабости. Это — признание неспособности понять реальные факты. За спиной Муссолини и Гитлера в Испании — полная пустота. За два года Франко пролил море крови, посыпал в стране гор и траур. Каждому обективному наблюдателю ясно, что если Франко — Гитлер — Муссолини и смогут занять всю страну, они найдут на каждом квадратном километре ее окраиной земли силы, готовые каждую минуту восстать против порабощителей. Перед фашистами возникнет грозная напоминальная проблема, разрешить которую им не по силам. Франко пытается восстановить в Испании абсолютистскую монархию. Он ищет короля. Он не нашел его. Но даже если бы он нашел короля, рекетисты никогда не примирятся бы со ставленником Франко. В конце концов Франко понял, что единственным возможным путем к удушению республики — это путем превращения Испании в итalo-германскую колонию. Ибо как только Гитлер и Муссолини уведут свою полицию и свои оккупационные войска, Франко, поддерживающие его феодалы и магнаты первыми будут унесены мощным потоком народного гнева, гнева, который восстановит в Испании человеческое право. Гитлер и Муссолини уведут свою полицию и свои оккупационные войска, Франко и его телохранители будут покинуть его ногами. И все народы будущего позавидуют странам и славе республиканской Испании.

Идея совершенно уверена, что никогда, ни при каких обстоятельствах иностранные армии Италии и Германии не удастся во вториться на испанскую землю, которая в течение стольких веков погружена была в летаргический сон, при своем пробуждении удостоилась грязной чести сражаться с врагами. Тогда же, когда Франко и его союзники вновь начнут вести свою борьбу, они окажутся в лагере Франко.

Идея один настоящий испанец не подчинится никому, ни на минуту, ни на секунду. Что бы ни случилось, фашисты проиграют. Италия и германские армии заплатят за свою преступную политику. Испания будет разорена нечестивостью, которую она ведет против Испании, и преступным союзом с гитлеровской Германией, которой «дуче» доверил свой народ. И предыдущий гитлеровский народ, Испания, готовы будут унести мощным потоком народного гнева, гнева, который восстановит в Испании человеческое право. Гитлер и Муссолини уведут свою полицию и свои оккупационные войска, Франко и его телохранители будут покинуть его ногами. И все народы будущего позавидуют странам и славе республиканской Испании.

Так рождается экономика фашистской Испании, экономика колониальной страны. Все сырье, сельскохозяйственные продукты, запасы железной руды, золота отправляются через южные порты Испании или Страны Басков в Германию и Италию. Испанские богатства вывозятся за пределы страны. Испания чувствует себя полной холода. Балеарские острова. В ее руках государственный аппарат, пресса, она содержит таинственные артиллерии, угрожая Гибралтару. Но превратить Испанию в фашистскую колонию не так-то просто. Это вызывает проливные слезы. Испания — это прекрасно знает. Знает это и Ватикан. Поэтому все они стремятся превратить Испанию в колониальную империю. И все народы будущего позавидуют странам и славе республиканской Испании.

Но идея не выносит никакой духовной или моральной оппозиции. Он уничтожает противника с помощью таких средств, которые не применялись в Европе со времен инквизиции и Варфоломеевской горячей ночи. Он сжигает книги, — акт варварства, сравнимый лишь с разрушением Александрийской библиотеки, лишившим нас духовных сокровищ древних Греции и Рима. Фашизм не доверуется тем, что превращает рабочих в рабов. Он подымает дух их детей, заставляет их обучаться маршировке и стрельбе. Активисты и демонстранты им провозглашают свою религию.

Сибирь Франции, не позволяя закрыть испанскую границу с Гитлером, не дала допускать захватывания Испании с помощью таинственных артиллерий, угрожая Гибралтару.

Но идея не выносит никакой духовной или моральной оппозиции. Он уничтожает противника с помощью таких средств, которые не применялись в Европе со времен инквизиции и Варфоломеевской горячей ночи. Он сжигает книги, — акт варварства, сравнимый лишь с разрушением Александрийской библиотеки, лишившим нас духовных сокровищ древних Греции и Рима. Фашизм не доверуется тем, что превращает рабочих в рабов. Он подымает дух их детей, заставляет их обучаться маршировке и стрельбе. Активисты и демонстранты им провозглашают свою религию.

Но идея не выносит никакой духовной или моральной оппозиции. Он уничтожает противника с помощью таких средств, которые не применялись в Европе со времен инквизиции и Варфоломеевской горячей ночи. Он сжигает книги, — акт варварства, сравнимый лишь с разрушением Александрийской библиотеки, лишившим нас духовных сокровищ древних Греции и Рима. Фашизм не доверуется тем, что превращает рабочих в рабов. Он подымает дух их детей, заставляет их обучаться маршировке и стрельбе. Активисты и демонстранты им провозглашают свою религию.

Но идея не выносит никакой духовной или моральной оппозиции. Он уничтожает противника с помощью таких средств, которые не применялись в Европе со времен инквизиции и Варфоломеевской горячей ночи. Он сжигает книги, — акт варварства, сравнимый лишь с разрушением Александрийской библиотеки, лишившим нас духовных сокровищ древних Греции и Рима. Фашизм не доверуется тем, что превращает рабочих в рабов. Он подымает дух их детей, заставляет их обучаться маршировке и стрельбе. Активисты и демонстранты им провозглашают свою религию.

Но идея не выносит никакой духовной или моральной оппозиции. Он уничтожает противника с помощью таких средств, которые не применялись в Европе со времен инквизиции и Варфоломеевской горячей ночи. Он сжигает книги, — акт варварства, сравнимый лишь с разрушением Александрийской библиотеки, лишившим нас духовных сокровищ древних Греции и Рима. Фашизм не доверуется тем, что превращает рабочих в рабов. Он подымает дух их детей, заставляет их обучаться маршировке и стрельбе. Активисты и демонстранты им провозглашают свою религию.

Но идея не выносит никакой духовной или моральной оппозиции. Он уничтожает противника с помощью таких средств, которые не применялись в Европе со времен инквизиции и Варфоломеевской горячей ночи. Он сжигает книги, — акт варварства, сравнимый лишь с разрушением Александрийской библиотеки, лишившим нас духовных сокровищ древних Греции и Рима. Фашизм не доверуется тем, что превращает рабочих в рабов. Он подымает дух их детей, заставляет их обучаться маршировке и стрельбе. Активисты и демонстранты им провозглашают свою религию.

Но идея не выносит никакой духовной или моральной оппозиции. Он уничтожает противника с помощью таких средств, которые не применялись в Европе со времен инквизиции и Варфоломеевской горячей ночи. Он сжигает книги, — акт варварства, сравнимый лишь с разрушением Александрийской библиотеки, лишившим нас духовных сокровищ древних Греции и Рима. Фашизм не доверуется тем, что превращает рабочих в рабов. Он подымает дух их детей, заставляет их обучаться маршировке и стрельбе. Активисты и демонстранты им провозглашают свою религию.

Но идея не выносит никакой духовной или моральной оппозиции. Он уничтожает противника с помощью таких средств, которые не применялись в Европе со времен инквизиции и Варфоломеевской горячей ночи. Он сжигает книги, — акт варварства, сравнимый лишь с разрушением Александрийской библиотеки, лишившим нас духовных сокровищ древних Греции и Рима.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ЭПОПЕЯ

Когда-нибудь, изучая наше время, мир с изумлением отметит, что среди потрясений нашей истории, среди катастроф, состоявшихся в календаре наших дней, терпеливые раскрыта человеческая мысль; и в этой точке зрения быть может именно Франция 1938 года поразит будущее своими песнями и прекрасными книгами, созданными несмотря на то, что французы охвачены тревогой — они слышат раскаты войны в самых границах своей страны, они видят, как из лодок их родины поднимается братобуйна — враг, организатор новых заговоров.

Но надо сказать, что художественная ясность в соединении с пониманием эпохи, — которая требует от писателя не созерцания с высокого берега, а активного погружения в ее бешеный поток, — никогда не проявлялась с такой силой, как во французской литературе последних месяцев. Некая извечная квадратура круга — искусство и эпопея — никогда еще во французском романе не находила такого полного решения.

И все-таки не было страны, где писатели примили бы в великому испытанию менее подготовленными чем в Франции, нет страны, где они сильнее были бы привержены духу «независимости» художника в отношении происходящих событий. Понятие о «независимости» писателя вкоренено настолько глубоко, что, если бы в настоящее время вы открыли по этому поводу дискуссию с французами, они бы даже удивились, что вы хотите спорить, зная, что эту — пусть скромно-мировизированную — теорию ввели лучшие писатели их страны. И действительно, если вы спросите самих писателей, то убедитесь, что, несмотря на их новые произведения, они повидиму придерживаются своего прежнего мнения; такое расхождение теории с практикой, расхождение между литературной концепцией писателей и исторической трактовкой их романов — примечательный факт духовной жизни эпохи, залитой кровью войны и опавшей солнцем знойной нахаждки, которая воодушевляет народы и объединяет их во прекрестках мира.

В этом смысле что может быть более характерным, чем живое и очень трогательное противоречие, которое является нам Андре Мальро — замечательный французский писатель, уже сейчас почитаемый одним из самых выдающихся писателей мира? В тот самый момент, когда Андре Мальро публикует «Надежду», книгу, целиком рожденную борьбой испанского народа, в которой она черпает свою силу, книгу непосредственного участника этой борьбы, в тот самый момент художественного журнала «Verve» (декабрь 1937 г.) преподносит нам несколько страниц «Психологии искусства» Андре Мальро. Из нескольких строк вступления в статье мы узнаем, что в основе этой психологии лежит прежде всего представление, что «в любой момент, в любой цивилизации жизнь не может служить материалом искусства».

«Надежда» надо сказать, что это наиболее выдающаяся книга нашего времени. Человек, потрясенный пережитым, столкнулся с этой книгой самые высокие идеи и самые настойчивые факты. Я не хочу здесь выискивать слабые места книги или подробно разбирать ее достоинства. Эта книга равноценна нашей эпохе, она ее выражает, и я спрашиваю вас, о каком современном произведении вы могли бы сказать тоже самое? В стюковании с сложной испанской действительностью герой Мальро, Маньян (автор за-препает нам узнавать в нем себя, потому что он изображает Маньяна вначале левым социалистом и наспецил ему усы) проходит путь от апокалипсиса к революционно-го-порядка, путем современного человека, более прекрасный, чем все голгофы, и такой же кровавый!

Величие Мальро совсем не в том, что он подчеркнул значение урока войны в Испании, — он сам его перенес и блестище в нем разобрался. Согласен Мальро или нет, но от «Умного человеческого существования» до «Надежды» свершился гигантский поворот в его искусстве, изменившись даже литературной манере автора. Писатель уже не ищет в событиях, как некогда, обрамлениями своих мыслей. Изумляющий нас запитник классицизма сегодня увлечен потоком действительности. Он в ее погружается, она его поглощает, он всыпывает и овладевает

Письмо из Франции

В творчестве Андре Мальро «Надежда» является чем-то совершенно новым. Еще когда он писал свою книгу, я услыхал от него такое признание: «Впервые — сказал мне Мальро — материала у меня больше, чем я могу использовать». Если это и не буквально его слова, то смысл их очевиден.

А вот что мы читаем в «Verve» за поэзию Мальро: «Для художника жизни, никогда не служит первоисточником, им всегда бывает другое произведение искусства».

Не сомневаюсь, что с той же глубиной, которая чарует слушателя его публичных выступлений, Мальро сможет обяснять, откуда возникла это удивительное противоречие. Я хочу для себя подчеркнуть это противоречие, потому что в нем я вижу всю трагедию современного западного интеллигента. «Ессе Ницше» периода войн и революций.

Я слышу, как писатель, готовый отдать свою жизнь испанскому народу, говорит: «На земле всегда был только один народ, достойный спасения, и это были статусы...»

Однако кто смог бы такими же проникновенными словами говорить о народе из плоти и крови, сражающемся по ту сторону Пиренеев, как Мальро, говорить словами, которые сохранили бы этому народу бессмертие, если бы ему случилось внезапно исчезнуть?

Я считаю, что автор «Умного человеческого существования» во всех смыслах превзошел автором «Надежды». Но в нем сохранились трагические противоречия, отличающие сегодняшнего человека от человека завтрашнего дня. В этом клубке противоречий бьется самое сердце нашего современника.

В нескольких книгах, превращающих нынешний, трагический день для мира год в один из великих годов французской литературы, мы чувствуем дух эпохи.

Прежде всего о Франции Мориака, попрежнему неотвязно преследуемому своим пристрастием. Этой весной он дал нам книгу. Это сборник новелл подобных живых частичкам плоти нескольких романов, которые он никогда не напишет. «Погружение» — странная книга, где вновь появляется привычная героянико Мориака, Тереза Декеру, пылающая провинциалка, одержимая неистовой религиозностью и доведенная до преступления своей ненавистью к окружающему обществу. Тереза появляется здесь как отражение современного мира, как свидетель его обивки. В Мориаке живет поэт, который заставляет забыть пророка, но Мориак — это также пророк в том смысле, что и Бальзак.

Со свойственной ему грубоватой прямотой Мориак в статье о кагулярах, напечатанной в «Фигаро», заявляет, что всегда знал, что буржуа, с которым он бывал на обедах, способны на преступления и величайшую жестокость. Уверенность в этом проявляется и в его «Погружениях». Это странная повесть, в которой собственнический дух жителей юго-запада Франции описан Мориаком так же нелюбезно, как склонность нормандцев у Массана. Есное понимание своей эпохи и своего общества делает Мориака поборником единения всех честных французов. Я не говорю здесь о той декларации, которая перед лицом опасности, грозящей нашей родине, соединила меня с ним и Мальро, и с десятком других писателей добной воли. Я говорю о его последней книге. Не символизирует ли Тереза Декеру полную позицию этого убежденного католика, его идею протеста против окружающего его буржуазного мира? Известия острова Флобера: «Малам Бовари? Это — я! Современная Бовари — Тереза Декеру олицетворяет Мориака не больше, чем герой «Надежды» Маньян однажды торжествует над Мориаком, но Тереза поучает нас своим примером, своим простотой против сре-ды, которая кажется ей фальшивкой, она говорит нам еще больше, чем статья, в которых меня обзывают правилами приличия, — это его светлость архиепископ Пальмьель», был потоплен в море крови народом Майорки.

Он видел, как под руководством генерала графа Росси, который не был «ним гер-нералом, ни графом, ни Росси, а просто итальянским чиновником из чернорубашечников» и с благословения «лица, назвать которых меня обзывают правилами приличия, — это его светлость архиепископ Пальмьель», был потоплен в море крови народом Майорки.

Действительность влечет лучших французских писателей вместе с их именем к вере в человека, которая у Мальро укрепилась в республиканской армии, создан-

ной по настоению испанских коммунистов. У Бернаноса, аристократа, врага буржуазного общества, надо подчеркнуть, хотя и совсем по иному, то же стремление при всяком случае говорить о народе и в частности о народе Франции.

Среди столь различных произведений и людей, которых прежде все различали и которые ныне обрали друг друга, мне приятно отметить еще одного писателя из тех, кто составляет слану Франции независимого, захотевшего в 1938 году пересмотреть и свою идил и свое творчество. Я хочу говорить об Анри де Монтерлане.

Как раз в дни появления «Больших кладбищ» Монтерлан опубликовал новое изложение своих «Олимпийцев», вышедших отдельными книгами еще в 1924 г. Монтерлан — аристократ, также презирает окружающий его буржуазный мир, где пронизывают жалкие остатки выродившейся аристократии. Наивысшим выражением его презрения был появившийся несколько лет назад роман «Холостяк». Среди этого вырождающегося мира «Олимпийцы» — оазис, несущий жизнь и открытый писателем на спортивных стадионах. В новом предисловии и в заметках, увядающих старый текст, Монтерлан с еще большей страстью поспевает языческий культ тела и восстает против христианского идеала. Но в перевидании «Олимпийцев», на мой взгляд, есть нечто другое, более важное, оно выражено в стихиях, добавленных к книге писателем, в свое время получившим Большую литературную премию французской академии и пребывавшим гордой, которая таким образом перед ним простиралась.

Как Мальро на войне, Монтерлан на спортивном поле открывает человека. Человека, от которого его отделяют все: «различия в образовании, воспитании, заботах, честолюбии, сфере деятельности, деньгах». Спорт здесь для Монтерлана совсем не средство сотрудничества классов (он не ведет в это сотрудничество), но спорт служит для него формой приобщения к жизни, способствует знакомству с новыми героями — молодыми французскими пролетариатами в стадионах, добавленных к книге писателем, в своем время получившим Большую литературную премию французской академии и пребывавшим гордой, которая таким образом перед ним простиралась.

Как Мальро на войне, Монтерлан на поле открывает человека. Человека, от которого его отделяют все: «различия в образовании, воспитании, заботах, честолюбии, сфере деятельности, деньгах».

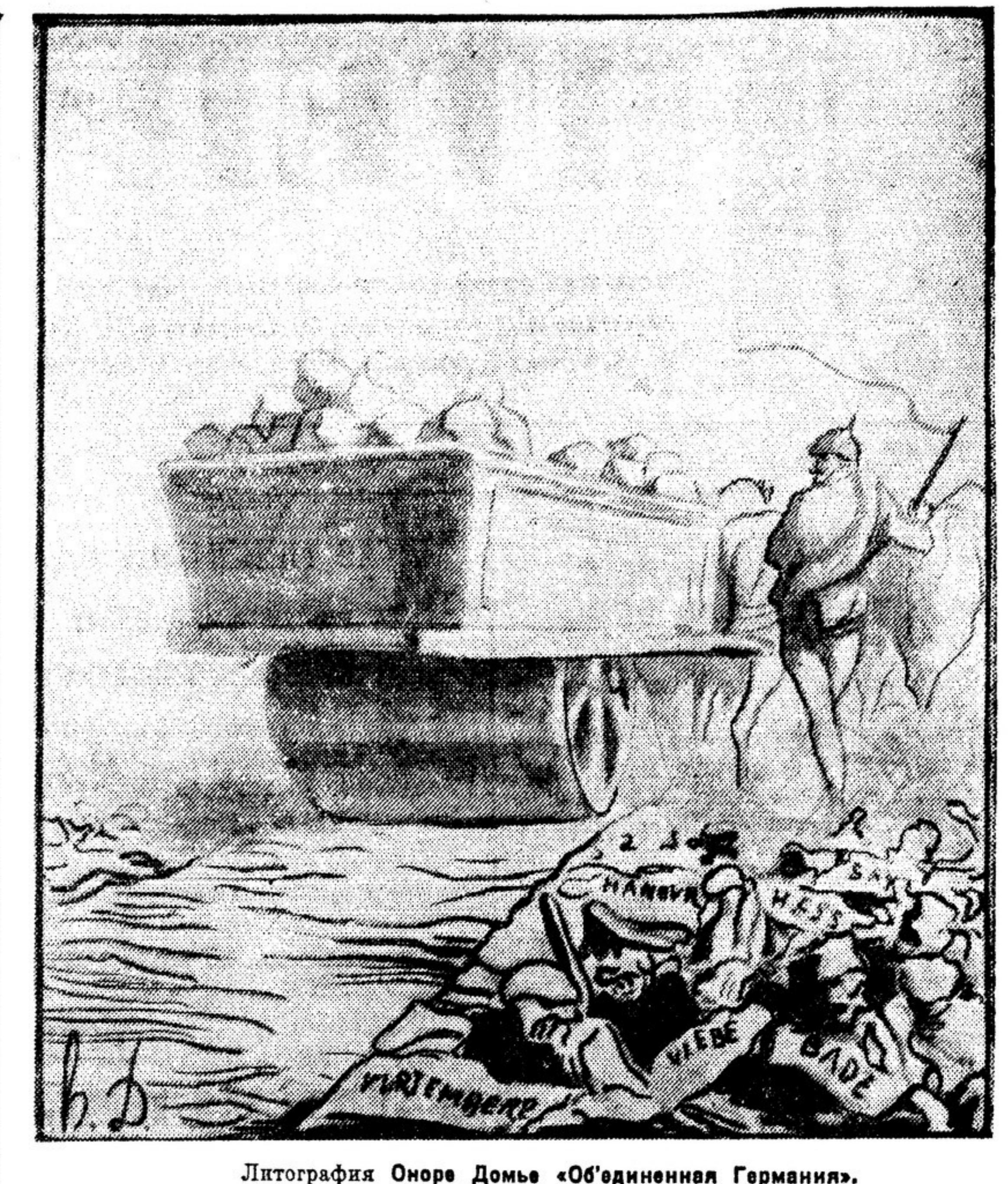
«Большие кладбища под луной» Бернаноса — книга суровая и блестящая, обладающая блесторством и силой неудержимого порыва. Это не роман, и я прошу прощения за то, что ставлю ее рядом с «Надеждой» и «Погружениями». Но без этой книги картина духовной жизни Франции была бы слишком неполной. К тому же, если «Большие кладбища под луной» не роман, то, читая эту книгу, мы не можем помнить себе читать в ней романы Жоржа Бернаноса, романа этого монархиста, сына которого был фаланжистом и сражался на стороне Франко. Бернанос находился на Майорке, когда величну военный мятеж, он аллюзировал успехам генералов и пониманию итальянских самолетов, а затем должен был написать этот обвинительный акт против Франко и борьбу с фашизмом, эту необходимую, страстную книгу, которая безусловно войдет в обиженное заключение, которое потомство выпишет против палачей испанского народа.

Она лежит Франции в газете писателя, что если концепция и вкусы Жоржа Бернаноса остаются монархистскими, то после этой книги он может есть отчет, что издал, на который он ссылается — республиканский идеал. Не думаю, чтобы Бернанос с удовольствием прочел это замечание. Каким же образом отец молодого фалангиста, «независимый» Бернанос, поборвал свободы Мальро и академии Мориака, сошлись в одной и той же ненависти и в одной и той же, еще не осознанной ими, любви...

«Как! — пишет Бернанос, — вы считаете праводобными буржуа из романов Франсуа Мориака и сомневаетесь в том, что в один прекрасный день запах крови может ударить в головы этих людей? Я, однако, видел странные вещи...»

Он видел, как под руководством генерала графа Росси, который не был «ним гер-нералом, ни графом, ни Росси, а просто итальянским чиновником из чернорубашечников» и с благословения «лица, назвать которых меня обзывают правилами приличия, — это его светлость архиепископ Пальмьель», был потоплен в море крови народом Майорки.

Действительность влечет лучших французских писателей вместе с их именем к вере в человека, которая у Мальро укрепилась в республиканской армии, создан-

Литография Оноре Домье «Объединенная Германия».

Pasaremos!

«Pasaremos!» — «Мы пройдем!» Под этим названием — лозунгом герояического испанского народа — издательство «Искусство» выпустило сборник из девяти пролетарий и «Четверо генералов»: русский текст второй песни меток и острых волнистых.

Подбор песен очень удачен. Надо лишь пожалеть о том, что редактор сборника Г. М. Ширерсон не включил туда каталонский народный гимн «El segador» («Жнецы»).

Пять песен — «Гимн Риего» (национальный гимн Испанской республики), старая рабочая революционная песнь «Сыны народа», «Крестьяне» (почему-то эта песнь назана «Крестьянами») Энрике Касаль-Чапи, «Готовься» Родольфо Альфтер и «Стальные колонны» Карлоса Паласио — даны в обработке для фортепиано испанских композиторов. Остальные — «Юные пролетарии» Рафаэла Эспиноса, «Четверо генералов» (народная песня об осаде Мадрида), «Красное знамя» и «Мы идем» («Сыны борьбы пролетарии») Мануэла Рамос — обработаны советскими композиторами.

Прежде издавались у нас СССР только «Гимн Риего», «Стальные колонны» и «Мы идем». В сборнике «Гимн Риего» фигурирует в новой, более удачной обработке, заново и опять-таки значительно лучше обработана В. Кочетовым песнь «Мы идем» («Сыны борьбы пролетарии») Мануэла Рамос — обработана советскими композиторами.

Отдельные недостатки не удаляют большого значения выхода сборника песен испанского Народного фронта, которые слегка всячески рекомендованы для концертных выступлений репертуара коров. Надо пожелать, чтобы эти песни получили широкое распространение и в нашем общественном быту. Боевой «Гимн Риего», мелодичная песнь «Сыны народа», песнь, зарядившая вымпелы «Четверых генералов», это чисто испанский гимн «Крестьянская», напряженный марш «Стальные колонны» и другие песни испанского народа, борющиеся за свою независимость и свободу, должны стать любимыми песнями труящихся Советского Союза.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

Романсеро о гражданской войне

В Гослитиздате вышла небольшая книжка стихов испанских поэтов на тему гражданской войны. Наряду с поэмами, имеющими широкую известность русскому читателю — Пла-и-Бельтран, Рафаэль Альберт, Мануэль Альтолагире, — мы находим в сборнике стихи рядовых дружинников отдельных батальонов.

В книжке живет дух испанского народа, борющегося за право жить свободно на своей земле.

Предисловие к книжке написано Жаном Касас. Открывается книжка стихотворением Антонио Мачадо «Советская Россия». Тираж книжки — 10.000, цена — 2 р. 25 к.

Шесть месяцев в тюрьмах Франко

Значит, вы против нас. Вы ехали драть с нами. Приводите умереть.

Мысль о моей смерти привела капитана в хорошее расположение духа. Он засмеялся:

— Вы не ожидали такого конца вашей автенти, капитан Целетть.

Другие также рассмеялись.

— Мы очень хорошо информированы, друг мой, — добавил этот своеобразный следователь. — Наша разведка работает замечательно.

Я по его мнению, должен был быть весьма склонен к «Огненным крестам». Я не знал, что они подтвердили, что один из членов «Огненных крестов» телефонировал из Байонны в Сан-Хуан де Лис о времени выхода «Галерни». Без сомнения, об этом было известно и капитан парохода, который пришел к нам в гавань.

Из Сан-Хуана де Лис сбежались с Пас-сексом, откуда и был дан приказ окружить нас и захватить в плен.

— У нас есть хорошие друзья во Франции. Да, самоутверженные друзья, боевые за то, что я делаю, что и мы.

Я не приналажу к «Огненным крестам». У меня болела почка, и я чувствовал, что из-за физической слабости вместо слов получается какое-то бормотание.

Капитан Родригес, скосившись на меня, сказал свои выволы.

— Друзья капитана задавили головами:

— Вы не из-за игрушек приехали в Испанию. Вы, капитан, — летчик, и вы оставил своих товарищей. Но полицейский

повел меня в первый этаж и ввел меня в кабинет, совершенно лишенный воздуха. Запах там был невыносимый.

На этот раз я оказался в строгой изоляции. Инстинктивно я стал опушивать стены, несколько раз пытаясь добраться до слухового отверстия. Я тряслись от изоляции из этого никакой пользы для себя, и с каждой попыткой лишь все больше вырывалась из сил.

ВЫСТУПЛЕНИЕ БЕНАВЕНТЕ

Семидесятилетний Хасисито Бенавенте — крупнейший из современных испанских драматургов. Число написанных им пьес уже давно перевалило за сто. В 1922 году Бенавенте получил Нобелевскую премию по литературе. Его «Игра интересов» поднялась на заслуженный успех и у нас в СССР. Популярность Бенавенте, превосходного бытописателя и тонкого стилиста, в Испании очень велика. Так, в 1916 году, в Мадриде, после премьеры его пьесы «Город веселый и доверчивый» (вторая часть «Игры интересов») зрители устроили автору восторженную овацию, к которой присоединились прохожие, и под волны «Да здравствует Бенавенте!» проводили его до дому.

Бенавенте, не применивший прежде участия в политической жизни, сначала волны в Испании занял четкую антифашистскую позицию. Недавно он сделал две ответственные заявления. Выступая в Валенсии на вечере, организованном МОПР, он сказал: «Никогда еще не имело такого, как в этом году, фронтовое значение утверждение нашего национального бытия, нашей независимости и революционных принципов, обременявших все человечество. Надо отметить, что именно в России и в Испании, вставших на защиту свободы независимости, начался закат звезды Наполеона. В войнах России и Испании с Наполеоном впереди сам народа по собственной инициативе боролся, защищая свою независимость. Несчастие Испании было то, что, начиная революцию, она ни разу не доводила ее до частичного конца. Мы надеемся, что испанская революция будет окончательной, и что в скором времени мы будем праздновать независимость Испании и победу революции».

В беседе с французским журналистом Бенавенте заявил: «Изучая народ, я открыл в нем все большие и большие достоинства, и я пришел к нему и смылся с ним. Я видел его на работе, я слушал его песни под альпийскими деревьями, в синии нашего южного солнца, и участвовал в его прогулках по садам Мадрида. Эти наблюдения меня вдохновили, и я писал книги и пьесы. Народ я обожал всем. Но свирепые и преступные мятеж разорвали над любими моим народом ураганом человеческой ярости, который сильнее, чем ярость всех прежних наций вместе взятых. Я колеблюсь и с первого же дня стал на сторону жертв, против пачаков. И на этой стороне я буду до конца. Фашизм — кровавое детство инквизиции. Он заставляет трудиться, чтобы изъять, славой, чтобы ее освернить, мыслью, чтобы ее простиупровать».

Во время этой беседы над Валенсийской полемизировали. Писатель воскликнул: «Вот они опять! То самолеты, то корабли, — и так каждые дни. Военные опасности и лишения меня закалили и укрепили мои республиканские чувства. Я предпочитаю умереть от истощения или погибнуть под бомбами, чем пасть к ногам захватчиков. Ничто не заставит меня уступить, а ведь нас, душающих так, — миллионы. Я обращаясь к интеллигентам, к демократам, к свободным людям всех стран с просьбой о помощи испанскому народу, сражающемуся не только за свое существование, но также за свободу и культуру всего мира. Многие отдаются целиком нашему долгу. Другие остаются глухими к призыва姆, которые должны были быть даны отцам посыду, где бьются человеческие сердца. Осталась ли доля совести у тех, кто беззастеночно наблюдает издали ужасы, переживаемые наами? Заслуживают ли они имя человека?»

Более времени этой беседы над Валенсийской полемизировали. Писатель воскликнул: «Вот они опять! То самолеты, то корабли, — и так каждые дни. Военные опасности и лишения меня закалили и укрепили мои республиканские чувства. Я предпочитаю умереть от истощения или погибнуть под бомбами, чем пасть к ногам захватчиков. Ничто не заставит меня уступить, а ведь нас, душающих так, — миллионы. Я обращаясь к интеллигентам, к демократам, к свободным людям всех стран с просьбой о помощи испанскому народу, сражающемуся не только за свое существование, но также за свободу и культуру всего мира. Многие отдаются целиком нашему долгу. Другие остаются глухими к призыва姆, которые должны были быть даны отцам посыду, где бьются человеческие сердца. Осталась ли доля совести у тех, кто беззастеночно наблюдает издали ужасы, переживаемые наами? Заслуживают ли они имя человека?»

Во время этой беседы над Валенсийской полемизировали. Писатель воскликнул: «Вот они опять! То самолеты, то корабли, — и так каждые дни. Военные опасности и лишения меня закалили и укрепили мои республиканские чувства. Я предпочитаю умереть от истощения или погибнуть под бомбами, чем пасть к ногам захватчиков. Ничто не заставит меня уступить, а ведь нас, душающих так, — миллионы. Я обращаясь к интеллигентам, к демократам, к свободным людям всех стран с просьбой о помощи испанскому народу, сражающемуся не только за свое существование, но также за свободу и культуру всего мира. Многие отдаются целиком нашему долгу. Другие остаются глухими к призыва姆, которые должны были быть даны отцам посыду, где бьются человеческие сердца. Осталась ли доля совести у тех, кто беззастеночно наблюдает издали ужасы, переживаемые наами? Заслуживают ли они имя человека?»

А. Ф.

А. ФАДЕЕВ

Писатели Чехословакии в борьбе за мир и независимость республики

Уже много граници в так называемой

Средней Европе. Небольшая страна Чехословакия граничит с Польшей, Румынией, Австрией... то есть с фашистской Германией и с собственно фашистской Германией. И все эти добрые соседи, эти искренние, может быть, Румыны (последние — от превеликой немощи), не хотят существования независимой Чехословакии, а хотят поделить ее между собой.

Чехословакия — страна капиталистическая и, как всякая капиталистическая страна, более многими социальными болезнями, нежели экономическими в рамках буржуазной демократии. Но среди своих фашистских соседей Чехословакия выделяется всеми преимуществами просвещенной буржуазной демократии перед голой диктатурой финансового капитала и помещичьих военных клик с их членовладельческим и мракобесием.

Под вождем германского фашизма, по-прежнему поддерживаемого английским империализмом, Чехословакия стоит перед угрозой потери своей целостности и независимости. И это обстоятельство только чахоткой подстегивает чувство гордости и патриотизма, которое народы Советского Союза издавна испытывают к народам Чехословакии.

Чешский народ имеет богатую историю. В течение многих столетий он боролся с германскими духовными и светскими феодалами, с австрийскими помещиками и буржуазией за возможность своего национального развития, за свою национальную независимость. Чешская национальная культура имеет глубокие корни в истории. Чешская литература времен гуситского движения (XIV и XV века) была по своему социальному содержанию, боевому общественному темпераменту и совершенству литературного языка одной из самых передовых в Европе. Это высокая культура традиций, наследие «буддества» и свою национальную литературу, выдвинувшиеся из среды словацкого народа такие прекрасные литературные имена, как Янко Краль, Стенько Рашине словацких мужиков.

И те же процессы, которые породили в Чехии движение «буддества» и свою национальную литературу, выдвинувшиеся из среды словацкого народа такие прекрасные литературные имена, как Янко Краль, Стенько Рашине словацких мужиков.

Наш советский читатель знает, любит и ценит имена чешских писателей: Йозефа Коппа, Ольбрахта, Йозефа Гора, Марии Майеровой, Нимайтова, Кратохвилы, Йозефа Чапека, Невзала, словацких писателей: Илеминика, Новомеского, Эло Шайлора, Пончаны, Гершовича — за то, что они вместе со своими народами борются за мир и демократию и не оставляют своих народов в тот момент, когда им угрожает опасность.

По мере роста культурных и экономических связей между нашей страной и Чехословакией растет в народах Советского Союза интерес к культурному строительству Чехословакии, ее искусству, ее литературе. Ряд крупных чешских и словацких писателей известен в нашей

Массовая культурная работа в республиканской Испании. Агитавтомобиль пришел литературу в одну из деревень

Фото Союзафото.

И. АЛЬТМАН

«Ленин о культуре и искусстве»

Учение Ленина и Сталина открыло грандиозные перспективы для развития литературы, искусства и социалистической эстетики, как науки об искусстве вообще, о социалистическом искусстве в особенности.

Нам наше передовая ленинская литература научила классические работы Ленина по вопросам культуры и искусства.

Без упорядоченной позитивной работы партийных и непартийных большевиков — троцкистов и историков литературы — нам не создать подлинно марксистской истории всеобщей литературы, истории русской и советской литературы. Без окончательного выкорчевывания остатков троцкистско-бухаринских враждебных «теорий» и без всесторонней творческой, теоретической работы невозможно создать серию учебников литературы, столь необходимых для нашего юношества.

Недавно вышел в издании Изогиза сборник «Ленин о культуре и искусстве». Составитель этого сборника т. М. Либниц собрал преобладающее большинство статей, речей и высказываний Ленина о культуре и искусстве (опубликованных в сборниках сочинений, «Ленинских сборниках») и других изданиях.

Перед всяким составителем такого сборника, естественно, встает задача правильной систематизации расположения материала.

Составитель предполагал каждому отрывку или группе отрывков краткое изложение содержания, которое должно помочь читателю ориентироваться в общирном материале. Для этого изложения, — как говорится в предисловии издательства, — составитель также старалась пользоваться словами самого Ленина, однако смешивать эти аннотации с полнотным текстом отрывков ни в коем случае не следует».

В обширной вводной главе мы находим следующие разделы: I. Философские основы марксизма, II. Проблема реализма в свете материалистической философии, III. Материалистическое понимание истории культуры.

Составитель уже в самом начале, естественно, обратился к таким классическим работам Ленина, как «Карл Маркс» (собр. соч., т. XVIII), «Материализм и эмпириокритицизм» (собр. соч., т. XII), «Что делать?» (собр. соч., т. IV), «Государство и революция» (собр. соч., т. XXI), и к другим крупнейшим работам Ленина. Составитель также широко использует «Философские тетради» Ленина.

Отдел первый сборника озаглавлен: «Культура и искусство в капиталистическом обществе». Он имеет следующие главы: I. Эпоха подъема буржуазной демократии; II. Эпоха подъема буржуазной демократии;

«Ленин о культуре и искусстве», сборник статей и отрывков. Составил М. Либниц, Изогиз, 1938 г.

И. На пути к размежеванию классов. Эпоха буржуазной реакции.

Отдел второй сборника озаглавлен: «Великая социалистическая революция и задачи рабочего класса в области культуры». Главы: I. Рождение нового общества. II. Практические основы новой культуры. III. Культурная революция. IV. Ленин о пролетарской культуре и проблеме наследства. V. От практического указания Ленина по отдельным вопросам культурной работы. VI. Воспитание нового человека.

Затем идут приложения из писем Ленина к различным и несколько отрывков из воспоминаний о Ленине Н. К. Крупской, Клары Цеткин, А. М. Горького и А. В. Луначарского.

Самые большие, исчерпывающие материалы первого отдела — это, естественно, статьи Ленина о Толстом, раздел «Ленин и Горький», и статья «Партийная организация партийной литературы».

Нельзя возразить против этого принципа расположения материалов. Практически, однако, составитель нарушил свою принципиальную и целостную логику.

Составитель произвольно выкидывает целий абзац о партиях либерально-народнической буржуазии, имеющий существенное значение для выяснения того, как вся буржуазия в целом боролась против рабочего класса и революции и поддерживала царизм. Мало того, составитель не замечает, что нельзя под одним заглавием «На пути к размежеванию классов» помешать материалы о либералах и демократах, о рабочем классе и либерально-помещичьей культуре, статьи о Толстом, критику мещанственных книжникаторских теорий и раздел «Ленин и Горький», чтобы затем дать последнюю главу раздела «На пути к размежеванию классов». Она следует за главой «Эпоха подъема буржуазной демократии».

Приведен несколько примеров. Известно, что Ленин относился к народничеству. Изложено, даже, что марксисты в часы вырываются из народничества, — но это не соответствует действительности.

Составитель пишет о «народничестве и марксизме» в разделе «Культура и искусство в капиталистическом обществе» и заывает, что марксисты «навязывают» не на «наследство» пролетариата, а на «наследство» мещанской культуры.

В статье «От какого наследства мы откажемся?» Ленин пишет, что марксисты «наказываются» не на «наследство» превалирующей в то время культуры, а на «наследство» мещанской культуры.

В статье «От какого наследства мы откажемся?» Ленин пишет, что марксисты «наказываются» не на «наследство» превалирующей в то время культуры, а на «наследство» мещанской культуры.

В то же статье Ленин пишет, что «...наше наследство сделано крутым шагом против пролетариата».

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата. Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» пролетариата.

Составитель пишет о «наследстве» марксистов, а не о «наследстве» прол

О РАБОТЕ С МОЛОДЫМИ

А. ЭРЛИХ

«РАССКАЗЫ О ПРОСТОРЕ»

При появлениях в литературе нового писателя почти всегда оказывается, что ему помогал какой-нибудь опытный писатель и что происходило это, как правило, вне литеатров и литеатровых консультаций. И в сущности это понятно. Чувствуя потребность писать, человек обычно идет за советом к тому писателю, книги которого ему нравятся и советы которого он считает для себя бесспорными. И, разумеется, не может быть в наших условиях таких случаев, чтобы писатель отказал в своей помощи молодому человеку, если это — честолюбивый одаренный.

Не нужно думать, что при этом опытный писатель *учит писать*. Нет, он только помогает молодому писателю учиться. И надо сказать, что задача эта в достаточной степени сложна и значительна. Медицина не может создать человека, но она в состоянии способствовать его рождению. Именно такую роль — роль помощника природы и выполняет в отношении молодого писателя писатель, умудренный опытом. И нечеловек не вспомнить, говоря об этой работе, замечательные сталинские слова о *соловинке*, выращивающем дерево, о замечательной работе М. Горького с целым поколением писателей.

Неправильна и времена были политика РАПИ, в свое время обывавшего «призы ударников в литературу». Скоропальтистое «производство» писателей с последующими хвалебными статьями и постредствами на две колонки, с одной стороны, веряло жизнь многих молодых людей, и с другой, вредило делу литературы, потому что, организовав шумиху вокруг имени бездарного писателя, подлыи троцкисты Авербах и его приспешники немедленно противопоставляли его писательским мастерам, и деятельность эта, разумеется, сводилась к тому, чтобы добиться раскола советской литературы.

Мысли о конвейерном производстве писателей — чистейший абсурд.

В нашей стране существует массовая любовь к литературе, и совершенно естественно в наших условиях массовое стремление рабочих, крестьян и интеллигентов участвовать в создании советской литературы. Это стремление ставит наш народ в духовном отношении на первое место в мире. Любовь советских людей к литературе надо всячески поощрять, надо создать все условия, чтобы ее были охвачены все граждане нашей страны. Понятная задача для наших писателей — писатели и писатель, уменивший относиться к людям по-сталински, по-горьковски.

Кстати о редакторах. Редактора нам нужны хорошие. Не такие, как те, что вычурчиваются в «Новом мире» из помалка А. Малышкина. «Люди из захолустья» однажды из лучших глаз, и не такие, как те, что дружно отвергали повесть Ю. Крымова «Танкер Дербент». Повесть эта побывала в трех московских журналах — в «Новом мире», «Октябрь» и «Молодой гвардии» и вскоре была отвергнута. Только в «Красной нови» подошли к ней с должным вниманием и оценили талант молодого писателя. Нам нужны редакторы, которые бы помогли книге родиться, которые бы делали книгу лучше, которые без ошибочно могли бы решить, хороша ли книга или плоха. Ошибки в этом деле недопустимы. Это, пожалуй, посеребреней 75.000 рублей, затраченных впустую на редакцию. Те же товарищи, с которыми «разбирались»

всех ее проявлениях.

Сказанное дает нам право утверждать, что помощь руководству людьми, любящими литературу, должны быть сосредоточены в руках писателей.

В такой же мере необходимо руководство писателя и в работе литеатров.

На днях в союзе писателей состоялось заседание партийного комитета по поводу работы с молодежью. Оказалось, что в драмсекции работу эту ведут в большинстве своем «драматурги-неучаки». И вполне естественно, что на заседании, о котором идет речь, им нечем было похвастаться. Выяснилось, что литеатровые консультации не помогли возникнуть ни одному драматургу. В сущности, если за все время работы этой литеатровой консультации не пришел ни один одаренный молодой человек, склонный к занятию драматургией, то винить работников консультации особенно не в чем. Но хотелось бы знать, чем же занимались они все это время? И может быть им следовало бы раньше созывать совещание и честно сказать: «Не идет к нам драматург, ничего не можем поделать!»

Но было иначе. Была полная виновность работы, тратились деньги, подписывались

бумажки, писались рецензии. И вышло, к которому пришел один из руководителей «драмконсультации», как нельзя лучше характеризует опыт, накопленный в этой работе. Руководитель сказал, что, по его мнению, на создание драматургии нужно семь лет, консультация же существует только четыре. Этим и объясняются неутешительные итоги ее работы. Не становится спрашивать этого товарища, почему семя, а не шесть или восемь? Он все равно не сумеет ответить на этот вопрос. Попытается лучше обратиться к опыту работы литеатровых консультаций издательства «Советский писатель».

Недавно директор издательства т. Рудой прислав в союз писателей взаимонаправленную бумажку, в которой извещал, что «в литеатровых консультациях работают на ряду с восемью опытными восьмью неопытными работниками». Результаты же работы за 4 года существования литеатровых консультаций совершенно ничтожны. До сих пор массовая консультация не вывела ни одного писателя, который would be in literature. По предварительным подсчетам, работа массовой консультации обходится издательству не менее 75.000 рублей в год, что ложится тяжелым бременем на бюджет издательства.

Что же предлагает т. Рудой, чтобы спасти бюджет издательства и верно направить работу литеатровых консультаций?

Он пишет:

«Считая необходимым сохранение и укрепление литеатровых консультаций издательства (это после четырех лет работы впустую) оказание помощи начинающим писателям, я пропускаю выделение из средств ССН специальный фонд для работы с начинающими писателями в размере 200.000 рублей».

Очевидно, послание т. Рудого обясняет его несвободимость в вопросах литературы и методах работы с молодыми писателями. И на болтовню эту не следовало бы обращать внимания, если бы она не исходила от руководителя крупного издательства и если бы не клонилась она к разрыванию государственных средств.

Но так как и то и другое делают появление т. Рудого общественным бедствием, на нем следует остановиться.

Одна из основных ошибок т. Рудого заключается в смешении функций редактора и литеатрового консультанта.

Ведь что такое начинающий писатель? Это человек, написавший художественное произведение, имеющее несомненную ценность для издательства. С таким человеком должен работать редактор, такому человеку даст консультацию любой писатель, которому он позвонит по телефону. Таких людей не так уж много, и на них разумеется, не было затрачено ни одной копейки из безвозвратно потраченных 75.000 рублей. Те же товарищи, с которыми «разбирались»

всех ее проявлениях.

Сказанное дает нам право утверждать, что помощь руководству людьми, любящими литературу, должны быть сосредоточены в руках писателей.

В такой же мере необходимо руководство писателя и в работе литеатров.

На днях в союзе писателей состоялось заседание партийного комитета по поводу работы с молодежью. Оказалось, что в драмсекции работу эту ведут в большинстве своем «драматурги-неучаки». И вполне естественно, что на заседании, о котором идет речь, им нечем было похвастаться. Выяснилось, что литеатровые консультации не помогли возникнуть ни одному драматургу. В сущности, если за все время работы этой литеатровой консультации не пришел ни один одаренный молодой человек, склонный к занятию драматургией, то винить работников консультации особенно не в чем. Но хотелось бы знать, чем же занимались они все это время? И может быть им следовало бы раньше созывать совещание и честно сказать: «Не идет к нам драматург, ничего не можем поделать!»

Но было иначе. Была полная виновность работы, тратились деньги, подписывались

бумажки, писались рецензии. И вышло, к ботали» в литеатровых консультациях, в 999 случаях из тысячи — просто любители литературы, которые пишут между делом, очень любят литературу, и мало представляют себе трудности, на которых надлежит проладить, чтобы стать писателем, т. е. люди, с которыми следует основательно познакомиться в кружках по изучению литературы.

Нам кажется, что примеры, которые мы привели, с полной очевидностью показывают бессмыслицу вышеназванного направления, избранного консультациями союза писателей. Нельзя научить человека писать, неизъясним даже помочь ему научиться писать, если руководство этим делом находится в руках людей неквалифицированных и не умелых. Литеатровые консультации должны освящать писателя, которые могли бы взять на себя смелость дать начинающему автору нужный ему совет, а не рассыпать стандартные бумажки с наименованиями и неквалифицированными рецептами изготовления стихов и рассказов, которые рассыпают сейчас наши литеатровые консультации.

У директора совхоза Метелина погиб малярский сынок, раздавленный неосторожным трактористом. Метелин в тоске мечтает о погребении сына на почтенных могилах его историй, истории эти сами по себе хороши, но они уже не имеют в расщеплении прежнего органического и движущегося мысли. Содержание другого очерка: зоотехник только что вернулся из пустыни в оазис, где женщины и тополя. Тополя — чорт с ними! Зоотехник очень скучаешь по жене, а директор требует, чтобы он не медленно отпаривался в новую длительную командировку — и надо подчиниться, надо ехать, дело того требует. В третьем очерке практикант Наташа уронила каугу (кошачье ведро) в колодец глубиной сто двадцати метров; если не достать каугу со дна, вечером нельзя будет поить овец; достать ее — дело огромной труда и выносливости — Сафар Али, заведующий Фермой, герой, — он достал каугу.

Очерки эти рисуют труд в совхозе, показывают бури пастушеской жизни. Но лишенные самостоятельной темы, они лишены и цельности. Можно в них уловить описание, можно значительно, наполовину даже, сократить их — читатель вряд ли это заметит.

Насколько присутствие темы в рассказах единого цикла повышает их интерес и ценность, иллюстрирует и «Путешествие за старухой».

Пастух, голос которого звучал так тихо, рассказал своему начальнику, одну за другой, копотенские истории гибели своих сыновей. Может ли он не сочувствовать величайшему горю начальника! И горю человеческому сердцу! И если человек сочтется от искреннего и взаимного сочувствия...

А после выяснилось, что старик сочинил все свою пять историй, и что никаких сыновей у него никогда не было.

В большом цикле рассказов Владимира Козина этот рассказ — «Ночь у костра» — бесспорно лучший. Параллельно с общей, ведущей темой труда, отлично разработана здесь и вторая, особая для этого рассказа, волнистая тема человеческого сострадания, сочувствия сердца сердцу. Именно эта, дополнительная частная тема придает рассказу цельность и законченность.

«Бедная долина», «Минута покоя» или «Сказка о рыбаке и рыбке» до своей изобразительной силы не уступают «Ночи у костра». Одинаково в них язык, общий характер, такая же сдержанность тона, та же

красочность описаний и ничуть не слабее диалог. И все таки воздействие их на читателя значительно слабее. Лишние сюжеты, письменные внутренним движением, они скорее похожи на отрывки из рассказов, чем на законченные рассказы.

В этих трех рассказах, вернее очерках, типично выписаных, автор не задается никакой основной, углубляющей наблюдениями темой. Рассказы статичны и, несомненно, разнообразны, но и еще человеческое счастье, обретенное разведением, оставляет читателя равнодушным.

Директор совхоза и старший зоотехник с женой отправились на прогулку, встретили Молла При, того самого старика сочинителя, который рассказал о гибели сыновей, и с удовольствием высказывали о себе хороши, но они уже не имеют в расщеплении прежнего органического и движущегося мысли. Содержание другого очерка: зоотехник только что вернулся из пустыни в оазис, где женщины и тополя. Тополя — чорт с ними! Зоотехник очень скучаешь по жене, а директор требует, чтобы он не медленно отпаривался в новую длительную командировку — и надо подчиниться, надо ехать, дело того требует. В третьем очерке практикант Наташа уронила каугу (кошачье ведро) в колодец глубиной сто двадцати метров; если не достать каугу со дна, вечером нельзя будет поить овец; достать ее — дело огромной труда и выносливости — Сафар Али, заведующий Фермой, герой, — он достал каугу.

Очерки эти рисуют труд в совхозе, показывают бури пастушеской жизни. Но лишенные самостоятельной темы, они лишены и цельности. Можно в них уловить описание, можно значительно, наполовину даже, сократить их — читатель вряд ли это заметит.

Насколько присутствие темы в рассказах единого цикла повышает их интерес и ценность, иллюстрирует и «Путешествие за старухой».

Пастух, голос которого звучал так тихо, рассказал своему начальнику, одну за другой, копотенские истории гибели своих сыновей. Может ли он не сочувствовать величайшему горю начальника! И горю человеческому сердцу! И если человек сочтется от искреннего и взаимного сочувствия...

А после выяснилось, что старик сочинил все свою пять историй, и что никаких сыновей у него никогда не было.

В большом цикле рассказов Владимира Козина этот рассказ — «Ночь у костра» — бесспорно лучший. Параллельно с общей, ведущей темой труда, отлично разработана здесь и вторая, особая для этого рассказа, волнистая тема человеческого сострадания, сочувствия сердца сердцу. Именно эта, дополнительная частная тема придает рассказу цельность и законченность.

«Бедная долина», «Минута покоя» или «Сказка о рыбаке и рыбке» до своей изобразительной силы не уступают «Ночи у костра». Одинаково в них язык, общий характер, такая же сдержанность тона, та же

красочность описаний и ничуть не слабее диалог. И все таки воздействие их на читателя значительно слабее. Лишние сюжеты, письменные внутренним движением, они скорее похожи на отрывки из рассказов, чем на законченные рассказы.

В этих трех рассказах, вернее очерках, типично выписаных, автор не задается никакой основной, углубляющей наблюдениями темой. Рассказы статичны и, несомненно, разнообразны, но и еще человеческое счастье, обретенное разведением, оставляет читателя равнодушным.

Директор совхоза и старший зоотехник с женой отправились на прогулку, встретили Молла При, того самого старика сочинителя, который рассказал о гибели сыновей, и с удовольствием высказывали о себе хороши, но они уже не имеют в расщеплении прежнего органического и движущегося мысли. Содержание другого очерка: зоотехник только что вернулся из пустыни в оазис, где женщины и тополя. Тополя — чорт с ними! Зоотехник очень скучаешь по жене, а директор требует, чтобы он не медленно отпаривался в новую длительную командировку — и надо подчиниться, надо ехать, дело того требует. В третьем очерке практикант Наташа уронила каугу (кошачье ведро) в колодец глубиной сто двадцати метров; если не достать каугу со дна, вечером нельзя будет поить овец; достать ее — дело огромной труда и выносливости — Сафар Али, заведующий Фермой, герой, — он достал каугу.

Очерки эти рисуют труд в совхозе, показывают бури пастушеской жизни. Но лишенные самостоятельной темы, они лишены и цельности. Можно в них уловить описание, можно значительно, наполовину даже, сократить их — читатель вряд ли это заметит.

Насколько присутствие темы в рассказах единого цикла повышает их интерес и ценность, иллюстрирует и «Путешествие за старухой».

Пастух, голос которого звучал так тихо, рассказал своему начальнику, одну за другой, копотенские истории гибели своих сыновей. Может ли он не сочувствовать величайшему горю начальника! И горю человеческому сердцу! И если человек сочтется от искреннего и взаимного сочувствия...

А после выяснилось, что старик сочинил все свою пять историй, и что никаких сыновей у него никогда не было.

В большом цикле рассказов Владимира Козина этот рассказ — «Ночь у костра» — бесспорно лучший. Параллельно с общей, ведущей темой труда, отлично разработана здесь и вторая, особая для этого рассказа, волнистая тема человеческого сострадания, сочувствия сердца сердцу. Именно эта, дополнительная частная тема придает рассказу цельность и законченность.

«Бедная долина», «Минута покоя» или «Сказка о рыбаке и рыбке» до своей изобразительной силы не уступают «Ночи у костра». Одинаково в них язык, общий характер, такая же сдержанность тона, та же

красочность описаний и ничуть не слабее диалог. И все таки воздействие их на читателя значительно слабее. Лишние сюжеты, письменные внутренним движением, они скорее похожи на отрывки из рассказов, чем на законченные рассказы.

В этих трех рассказах, вернее очерках, типично выписаных, автор не задается никакой основной, углубляющей наблюдениями темой. Рассказы статичны и, несомненно, разнообразны, но и еще человеческое счастье, обретенное разведением, оставляет читателя равнодушным.

Директор совхоза и старший зоотехник с женой отправились на прогулку, встретили Молла При, того самого старика сочинителя, который рассказал о гибели сыновей, и с удовольствием высказывали о себе хороши, но они уже не имеют в расщеплении прежнего органического и движущегося мысли. Содержание другого очерка: зоотехник только что вернулся из пустыни в оазис, где женщины и тополя. Тополя — чорт с ними! Зоотехник очень скучаешь по жене, а директор требует, чтобы он не медленно отпаривался в новую длительную командировку — и надо подчиниться, надо ехать, дело того требует. В третьем очерке практикант Наташа уронила каугу (кошачье ведро) в колодец глубиной сто двадцати метров; если не достать каугу со дна, вечером нельзя будет поить овец; достать ее — дело огромной труда и выносливости — Сафар Али, заведующий Фермой, гер

Судьба одной библиотеки

22(10) марта 1927 г. В. И. Ленин, находясь в ссылке в Красноярске, писал отцу своей сестре М. И. Ульяновой: «Вчера попал-таки в эдакнюю знаменитую библиотеку Юдина, который радушно меня встретил и показывал свои книгохранилища. Он разрешил мне и заниматься в ней и я думал, что это мне удастся». «Она-комиссия с его библиотекой далеко не склоняется к этому», — отвечала Юдина.

Библиотека, о которой писал Владимир Ильин, действительно представляла собой «замечательное собрание», доставшееся в 1907 году 80.000 томов, имела своеобразную судьбу. Владелец ее Геннадий Васильевич Юдин (род. 29/II 1840 г., умер 19/III 1912 г.), известный сибирский ботаник-промышленник, владевший золотыми присяками и крупной земельной собственностью, с разных лет проникся страстью к собиранию книг и архивных документов. В течение 30 лет он неустанные во время своих путешествий по России и за границей и через специальных агентов приобретал книги, в основном по вопросам истории России и в частности Сибири, по библиографии, по русской литературе (первые и признанные издания, собрания сочинений), собирая комплекты русских журналов XVIII и XIX веков, зарубежные издания, касавшиеся России (Russia). Специальный раздел в юдинской библиотеке составляла Пушкиниана. Особо интересовалась Г. В. Юдин книгами, напечатанными парской цензурой, лоббировавшая для своего собрания подчас уникальные экземпляры книг, уцелевшие от уничтожения. Между прочим, им была собрана исчезнувшая коллекция сатирических журналов 1905—1907 гг.

Сперва Юдин хранил свои книжные и архивные сокровища в Красноярске, но затем, после большого пожара, переселившись в небольшое кирико на берегу Енисея в замке Тарановка (в 2—3 версты от Красноярска), он выстроил для книг и рукописей специальный дом в 3 комнатах, где в 120 шкафах разместил свою коллекцию.

«УПОТРЕБЛЮ НА МАКУЛАТУРУ...»

Майская книга «Современника» 1866 г. была последней книгой некрасовского журнала — боевого органа революционной демократии, проповедника идей крестьянской революции.

Цензура не давала журналу ни минуты покоя. Для некоторых книжек приходилось заготовлять материал вдвое, чтобы успеть заполнить проделанные цензурой брешь. Красные чернила цензора широкой репутации лились на страницы журнала.

И в конце концов двадцатилетняя борьба окончилась: в мае 1866 г. редакция было обзванено о прекращении «по высочайшему повелению» издания журнала: на тираж отпечатанной пятой книги был наложен арест и подписчики журнала не получили.

Лишь в самом конце 1867 г. Некрасову удалось вырваться из лап цензурного комитета несколько экземпляров этой ставшей библиографической редкостью книги.

При этом ему пришлось дать следующую красноречивую подпись, до сих пор неизвестную в печати и лучше больших статей иллюстрирующую положение печати в 60-х годах. «Я, нынешнеподписаный, дал сию подпись в том, что не выпущу в свет возвращаемые мне Цензурным комитетом листы пятого номера «Современника» на 1866 год сброшюрованными книгу, в распоряжение означенных листами так, чтобы они были употреблены на макулатуру. Спб. 29 декабря 1867 г. Ник. Некрасов.

С. РЕЙСЕР

«ГОРЬКИЙ И ТЕАТР»

Так называется сборник статей, выпущенный издавательством «Искусство». В сборнике вошли следующие 4 статьи:

Ю. Юзовский — Творческие идеи Горького.

С. Балухат — Вопросы изучения драматургии Горького.

Г. М. Григорьев — Драматургия Горького и Чехова.

С. Дурмыкин — Горький на сцене.

Сборникает материалы созданной Всероссийским театральным обществом конференции, которая проходила 15 июня 1937 г., в головщине со дня гибели М. Горького. Эта конференция была первой попыткой подвести предварительные итоги сценической истории трупа Горького на драматургии и советской сцене.

Сборник сделан издавательством в 2½ месяца, размер его — 19 листов и при тираже в 5.000 экз., расценен очень высоко — 12 руб.

КРЫЛЬЯ ИСПАНИИ

Издательство ЦК ВЛКСМ выпустило сборник очерков и рассказов русских и иностранных авторов об испанских летчиках республиканской авиации.

Книжка открывается высказыванием генерала Михаэля об авиации. В книге 3 открыка Михаэля, две Ильи Эренбурга, очерки Андрея Мальро, Стивена Спенделера, Марии-Тересы Леон, Андора Габора, И. Шпанова, И. Рашило.

Очерки и рассказы, поменявшиеся в сборнике, большей частью печатались в советских газетах и журналах. Собрал очерки и рассказы Н. Полорожский. Тираж книжки рассчитан на массового читателя — 25.000 экз., цена ее — 3 руб.

Беседа с тов. Л. О. Утесовым

...В ноябре 1936 г. т. Л. М. Каганович меня вызвал. Это было после одного из выступлений моего джаза, на котором присутствовал нарком. В беседе он предложил мне организовать железнодорожный джаз-оркестр.

Онноременно Лазарь Моисеевич поручил профессору-орденоносцу, народному артисту ССР А. В. Александрову создать железнодорожный ансамбль песни и пляски.

Вполне понятно радостное волнение артиста, которому один из руководителей партии и правительства оказал такое доверие.

Поставить свое искусство на службу народу, как можно теснее соприкасаться при помощи искусства с самыми широкими массами всегда было моей заветной мечтой. Ибо мертв тот художник, который не является беспрестанно в своем творчестве соками, излучинами из недр народной жизни.

Предложение наркома о создании джаза не из профессионалов, а из железнодорожников-производственников, участников созидательных кружков, вполне отвечало моим намерениям.

Как и все, чем занимается Лазарь Моисеевич, создание железнодорожного ансамбля песни и пляски и железнодорожного джаз-оркестра было проведено чрезвычайно быстро и организованно. Уже на следующий день были привлечены к работе в джаз-оркестре композиторы братья Покрас, режиссер Арнольд и, позже, занедуживший литератором Угрюмов. В ансамбль песни и пляски были привлечены поэт-организатор Лебедев-Кумач и дирижер-педагог Лебедев.

Онноременно мы обвили по всем железнодорожным узлам, столицам и самым глухим поселкам, что привлекают всех, умеющих петь, танцевать или играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, привлекут участие в отборочных испытаниях.

Пошли не было станицы или поселка, где не обнаруживались бы таланты. И в области искусства, как и во всякой другой области, оказалось, что у нас людей способных, людей талантливых — десятки тысяч.

Литературная газета

№ 42

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПЬЕСЫ, ПОЭМЫ, ПЕСНИ

Вас. Лебедев-Кумач подготовил к печати для «Советского писателя» книгу избранных поэтических произведений: пьесы, сатирику и лирику.

В издательстве «Искусство» выходит сборник песен поэта с потами и клавирами. В этом сборнике принимают участие 15 советских композиторов, которые написали музыку на тексты свыше 60 песен. Сеанс Лебедев-Кумач работает над новыми песнями для фильмов: «Поеzd идет в Москву», «Морской поезд», «Сал», которые снимаются в различных киностудиях. Совместно с композиторами поэт пишет новые песни о союзе железнодорожников и писателей («Большевик»).

В Краснодаре состоялось первое совещание национальных писателей. Решено создать литературную группу при краевом газете, взывшей на себя руководство литературным движением до создания здесь отделения Союза советских писателей («Большевик»).

В Краснодаре состоялось первое совещание нового состава оргкомитета Союза советских писателей Карелии. В члены союза принял известный сказочник Коругче; книга его сказок выходит скоро из печати. В кануне праздника 10 летия Юдина, на Дальнем Востоке.

А. Макаренко к 20-летию ВЛКСМ заканчивает роман «Пути поколения». Тема романа — жизнь советского студента.

Работает над вторым томом «Книги для родителей».

Валерия Герасимова пишет рассказ «Веселые жители». Тема рассказа — подполье, борьба комсомольцев с колхозниками. Писательница будет работать над пьесой по теме своей повести «Хитрые глаза». Пьеса предназначена для Трама.

А. Безыменский пишет повесть в стихах «Гибель империи» о последних годах самодержавия. Над повестью поэт работал ссыльного времени.

С. Митиславский написал две пьесы «Удел сильных» и «Власть». В ноябре закончил пьесу о борьбе с врагами нашей родины. Пьеса предназначена для московской труппы.

В. Гусев совместно с композитором И. Дзеркинским работает над либретто оперы «Волочаевские дни». Авторы пишут эту оперу для Большого театра Союза ССР.

Ю. Либединский работает над пьесой из современной жизни. Действующие лица — советская молодежь. Пьеса будет закончена в этом году. Кроме того Юбединский пишет роман об истории народов Северного Кавказа. В романе будет показана жизнь одной крестьянской семьи за последние 30 лет.

Армянский драматург Д. Демирчян пишет пьесу «Капутан». Тема пьесы — социалистическое строительство в Армении и перспективы развития Севансского озера.

Молодой армянский драматург Аракесян написал пьесу «Эммануэль», в которой изображает крупного армянского революционного демократа Мика Налбандяна.

Стержень пьесы — борьба Налбандяна против царского самодержавия. Эта пьеса идет во Втором государственном театре Армянской ССР.

Татарский драматург Шариф Камал написал новый роман «Когда рождаются прекрасные» — на тему об организации первых сельскохозяйственных коммун в Ставропольском крае.

Молодой армянский драматург Аракесян написал пьесу «Эммануэль», в которой изображает крупного армянского революционного демократа Мика Налбандяна.

Стержень пьесы — борьба Налбандяна против царского самодержавия. Эта пьеса идет во Втором государственном театре Армянской ССР.

Татарский писатель Тлистен Юсуф написал новую книгу — повесть «Дорога открыта», над которой он работал последние три года. Тема повести — жизнь деревенского крестьянина-адыгина («Большевик»).

Армянский драматург Д. Демирчян пишет пьесу «Капутан». Тема пьесы — социалистическое строительство в Армении и перспективы развития Севансского озера.

Ю. Либединский работает над пьесой из современной жизни. Действующие лица — советская молодежь. Пьеса будет закончена в этом году. Кроме того Юбединский пишет роман об истории народов Северного Кавказа. В романе будет показана жизнь одной крестьянской семьи за последние 30 лет.

Армянский драматург Аракесян написал пьесу «Эммануэль», в которой изображает крупного армянского революционного демократа Мика Налбандяна.

Стержень пьесы — борьба Налбандяна против царского самодержавия. Эта пьеса идет во Втором государственном театре Армянской ССР.

Татарский писатель Тлистен Юсуф написал новую книгу — повесть «Дорога открыта», над которой он работал последние три года. Тема повести — жизнь деревенского крестьянина-адыгина («Большевик»).

Армянский драматург Д. Демирчян пишет пьесу «Капутан». Тема пьесы — социалистическое строительство в Армении и перспективы развития Севансского озера.

Ю. Либединский работает над пьесой из современной жизни. Действующие лица — советская молодежь. Пьеса будет закончена в этом году. Кроме того Юбединский пишет роман об истории народов Северного Кавказа. В романе будет показана жизнь одной крестьянской семьи за последние 30 лет.

Армянский драматург Аракесян написал пьесу «Эммануэль», в которой изображает крупного армянского революционного демократа Мика Налбандяна.

Стержень пьесы — борьба Налбандяна против царского самодержавия. Эта пьеса идет во Втором государственном театре Армянской ССР.

Татарский писатель Тлистен Юсуф написал новую книгу — повесть «Дорога открыта», над которой он работал последние три года. Тема повести — жизнь деревенского крестьянина-адыгина («Большевик»).

Армянский драматург Д. Демирчян пишет пьесу «Капутан». Тема пьесы — социалистическое строительство в Армении и перспективы развития Севансского озера.

Ю. Либединский работает над пьесой из современной жизни. Действующие лица — советская молодежь. Пьеса будет закончена в этом году. Кроме того Юбединский пишет роман об истории народов Северного Кавказа. В романе будет показана жизнь одной крестьянской семьи за последние 30 лет.

Армянский драматург Аракесян написал пьесу «Эммануэль», в которой изображает крупного армянского революционного демократа Мика Налбандяна.

Стержень пьесы — борьба Налбандяна против царского самодержавия. Эта пьеса идет во Втором государственном театре Армянской ССР.

Татарский писатель Тлистен Юсуф написал новую книгу — повесть «Дорога открыта», над которой он работал последние три года. Тема повести — жизнь деревенского крестьянина-адыгина («Большевик»).

Армянский драматург Д. Демирчян пишет пьесу «Капутан». Тема пьесы — социалистическое строительство в Армении и перспективы развития Севансского озера.

Ю. Либединский работает над пьесой из современной жизни. Действующие лица — советская молодежь. Пьеса будет закончена в этом году. Кроме того Юбединский пишет роман об истории народов Северного Кавказа. В романе будет показана жизнь одной крестьянской семьи за последние 30 лет.

Армянский драматург Аракесян написал пьесу «Эммануэль», в которой изображает крупного армянского революционного демократа Мика Налбандяна.

Стержень пьесы — борьба Налбандяна против царского самодержавия. Эта пьеса идет во Втором государственном театре Армянской ССР.

Татарский писатель Тлистен Юсуф написал новую книгу — повесть «Дорога открыта», над которой он работал последние три года. Тема повести — жизнь деревенского крестьянина-адыгина («Большевик»).

Армянский драматург Д. Демирчян пишет пьесу «Капутан». Тема пьесы — социалистическое строительство в Армении и перспективы развития Севансского озера.

Ю. Либединский работает над пьесой из современной жизни. Действующие лица — советская молодежь. Пьеса будет закончена в этом году. Кроме того Юбединский пишет роман об истории народов Северного Кавказа. В романе будет показана жизнь одной крестьянской семьи за последние 30 лет.

Армянский драматург Аракесян написал пьесу «Эммануэль», в которой изображает крупного армянского революционного демократа Мика Налбандяна.

Стержень пьесы — борьба Налбандяна против царского самодержавия. Эта пьеса идет во Втором государственном театре Армянской ССР.

Татарский писатель Тлистен Юсуф написал новую книгу — повесть «Дорога открыта», над которой он работал последние три года. Тема повести — жизнь